

5. Bulent Aras. Turkish-Azerbaijani energy relations / Bulent Aras // Global Turkey in Europe [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access : http://research.sabanciuniv.edu/24598/1/GTE_PB_15-1.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

6. Agreement on the exploration, development and production sharing for the Shah Deniz Prospective in the Azerbaijan sector of the Caspian // BP in Azerbaijan. Legal agreements [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access : http://www.bp.com/content/dam/bp-country/en_az/pdf/legalagreements/PSAs/SD-PSA.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

7. Ezgisu Biber. The Roles of Iran and Turkey in the Nagorno Karabakh Conflict / Ezgisu Biber // School for advanced International studies of Johns Hopkins University [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access : https://www.sais-jhu.edu/sites/default/files/CM%20Field%20Trip%20NK%20March%2029%20Final_1.pdf. – Date of access : 10.03.2017.

8. Orhan Gafarli. The Role of Global and Regional Actors in the South Caucasus / Orhan Gafarli // Caucasus Edition [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access : http://caucasusedition.net/analysis/3581/#_Toc452716277. – Date of access : 10.03.2017.

Международные аспекты энергетической политики Республики Корея

*Держанович А. И., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Малевич Ю. И., д-р полит. наук, проф.*

При реализации энергетической политики Республика Корея (РК) сегодня сталкивается с одной из наиболее тяжелых дилемм энергетической безопасности, представляющей собой тройную комбинацию угроз. Во-первых, РК испытывает острую нехватку углеводородного сырья, необходимого для функционирования быстрорастущей и энергоемкой экономики (зависимость от импорта первичных энергоносителей составляет 97%). Во-вторых, в наибольшей степени Южная Корея зависит от поставок нефти и природного газа, что определяет уязвимость энергосистемы страны. Наконец, 84% импорта сырой нефти и свыше 53% импорта СПГ в РК поступает из одного региона – Ближнего Востока [3]. Можно констатировать, что сложность энергетической ситуации в РК определяет то значение, которое придается энергетическому фактору во внешнеполитической стратегии.

В основе энергетической политики Южной Кореи лежит курс на диверсификацию источников топлива. Начиная с 1970-1980-х гг. дипломатия Сеула полностью сосредотачивается на ближневосточном регионе; остается магистральным данное направление и в XXI в. Однако с приходом к власти администрации Ли Мен Бака и возведением энергетической безопасности

в ранг национальной идеи правительство РК начинает активный поиск поставщиков и в других регионах мира. Значительных успехов корейской дипломатии удалось добиться, в частности, в Африке и Латинской Америке, где в XXI в. Сеул получает ряд репутационных преимуществ [3, с. 87]. Опыт стремительного развития Кореи, в прошлом жертвы колониального господства и широкомасштабного военного конфликта, подогретого противостоянием великих держав, вызывает симпатию у руководства развивающихся государств. Определенные преимущества имеет РК и в Центральной Азии, где ее экономическая модель представляется более применимой, а деятельность корейского правительства и национальных корпораций – менее агрессивной, нежели китайская.

На реализации энергетической стратегии Южной Кореи крайне негативно сказывается соседство с КНДР, которое блокирует ряд перспективных проектов по диверсификации источников топлива. Кроме того, хроническая энергонедостаточность, которую Пхеньян не способен преодолеть самостоятельно, является угрозой для безопасности РК. Именно необходимостью использовать энергию атома в качестве источника питания КНДР обосновывала свою ядерную программу, обернувшуюся впоследствии серией ядерных кризисов на Корейском полуострове [1, с. 15].

Можно констатировать, что за счет северокорейского фактора проблема энергетической безопасности для РК обретает второе измерение. Во-первых, целью стратегии Сеула является состояние защищенности собственной энергосистемы, под которым понимается гарантированное и стабильное снабжение энергоресурсами. Во-вторых, путем реализации энергетической стратегии РК может достигнута цели более высокого порядка – укрепления мира на корейском полуострове. Подспорьем активизации политического взаимодействия между Сеулом и Пхеньяном призвано стать усиление региональной кооперации в энергетической сфере, с чем, однако, руководство Южной Кореи не способно справиться в одностороннем порядке. Во многом именно этими соображениями обосновывается активность Сеула на многостороннем треке, в связи с чем сегодня РК является наиболее последовательным сторонником создания основ энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии. Корейское руководство выдвигает ряд проектов субрегионального уровня, основанных как и на трехстороннем диалоге (Сеул–Пекин–Токио), так и на подключении к совместным проектам РФ, Монголии и КНДР. Например, перспективным направлением сотрудничества между странами СВА рассматривается поставка российского газа через территорию Северной Кореи. Считается, что строительство соответствующей тепловодной инфраструктуры поспособствовало бы укреплению энергобезопасности КНДР и общему потеплению политического климата в субрегионе. В центре внимания политических и академических кругов Южной Кореи также находится проект создания единой энергосистемы в Восточной Азии,

которая потенциально может связать РФ и РК через КНДР путем передачи электроэнергии [3, с. 87–88].

Таким образом, наряду с использованием потенциала своей энергетической дипломатии и возможностей широкомасштабного инвестирования за рубеж, РК при построении своей стратегии энергобезопасности учитывает необходимость налаживания отношений с КНДР. При этом недостатки своего географического положения она пытается компенсировать многочисленными инициативами по энергетическому сотрудничеству на субрегиональном уровне.

Литература

1. Calder, Kent E. Korea's energy insecurities : comparative and regional perspectives / Kent E. Calder // Korea Economic Institute: KEI. – 2005. – 65 p.

2. Korea, South [Electronic resource] // U. S. Energy Information Administration (EIA). – Mode of access: <https://www.eia.gov/beta/international/analysis.cfm?iso=KOR>. – Date of access: 05.04.2017.

3. Lee, J. S. South Korean perspectives on Northeast Asian energy security cooperation / J.-S. Lee // Energy security cooperation in Northeast Asia / ed.: B Kong, Jae H. Ku. – Oxford, 2015. – P. 86–99.

Ответственность за лжесвидетельство в России XIX века и в современном законодательстве

*Джиджавадзе Л. Г., студ. I к. ЯрГУ им. П. Г. Демидова,
науч. рук. Иванов А. Б., канд. юр. и ист. наук, доц.*

Показания свидетеля, как участника судебного процесса, служат одним из видов доказательств. Поэтому вопрос об их достоверности важен с точки зрения юрисдикции, а лжесвидетельство, кроме своего нравственного аспекта, является преступлением против правосудия, за которым следуют определенные санкции со стороны закона. Чтобы проследить динамику развития права в данном ключе, изучим, какие раньше существовали наказания за лжесвидетельство.

В XIX веке по Судебной реформе Александра II установился принцип свободной оценки доказательств, в связи с чем усилилась роль свидетельских показаний. В Судебных уставах 1864 года нет прямой информации о санкциях за лжеприсягу и лжесвидетельство и нет отсылки на другой документ или статью. Однако эти нормы указывались в ст. 1168 и 1169 Уложения «О наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Степень и разновидность санкций за лжесвидетельство зависела от мотивов, обдуманности и содержания ложных показаний, а также влияния на судьбу обвиняемого.